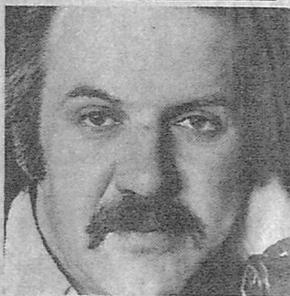

ПРОЩАЙТЕ, ВОСПОМИНАНИЯ!

НИЧЕГО не могу с собой сделать: мысли снова и снова возвращаются в Прагу. Месяц такой — август. И двадцать первое число скоро. И так непривычно, странно: не нужно будет в этот вечер крутить телефонный диск, звонить, узнавать, не случилось ли что. Так ведь повелось уже давно: в этот день в Праге — полиция на всех углах, с дубинками, со цитами и в касках, аресты, облавы. О, как трудно все это забыть! Как трудно расстаться со страхом! Даже после революции — названной бархатной или нежной.

Ушли наши войска из Чехо-Словакии, их уже нет там, но пражане все равно с какой-то опаской проходили мимо советского танка, стоящего на постаменте на Смихове. Думаю, им казалось, что и он, ни в чем не повинный в 1968 году, — тоже символ того, о чем хочется забыть навсегда, чтобы начать жить снова. Без страха.

К счастью, человек устроен так, что бывает произойдет, случится что-то, и все вдруг станет иным. И нужно для этого порой совсем немного.

Розовый танк

Только трудно сказать что. И не дано знать, когда это случится. Вот и пражане не знали, что таким неожиданно счастливым окажется для них один из последних апрельских дней этого года.

В этот день студент художественно-промышленной школы Давид Черный, как говорится, проснулся знаменитым. Впрочем, надо полагать, он и вовсе не ложился спать. За ночь Давид покрасил розовой краской смиховский танк, увил его лентами и цветами.

Розовый танк — его видели все. Все о нем только и говорили. И я могу со всей ответственностью утверждать: бархатная революция завершилась именно в этот апрельский день. И я убежден: Давид Черный — истинный и большой художник, наделенный даром возвращать своим искусством надежды и веру. Своим розовым танком он хотел сказать всем только одно: со страхом покончено, страха больше нет!

Вы спросите, читатель, а при чем здесь театр, о котором я должен писать. И я отвечу: в те далекие уже годы, когда подходили к концу счастливые дни чешского театра, этот театр до последнего своего дыхания жил одним лишь стремлением: избавить своего зрителя от страха, внушить ему надежды и сохранить в нем веру.

Когда я слышу распространенные нынче разговоры о том, что бывают времена не для искусства, когда музам приходится молчать, а всем заниматься только политикой, я не могу в это поверить и всегда вспоминаю Прагу зимой 1968 года.

Казалось бы, действительно, ну какое искусство, какой театр, когда все рушится и лишается смысла и во-

круг совсем не розовые танки. Но я не могу забыть рыдания переполненного зала в том же Театре за браню, когда подходили к концу «Три сестры», и подполковник Вершинин, казалось, уходил со своей батареей не в Царство Польское и не в Читу, а на соседнюю улицу, где уже выстроились другие батареи. И всю свою жизнь я буду слышать прорывающееся сквозь рыдания зала «Надо жить... Надо жить...»

И перед глазами у меня всегда будет стоять светловолосая Антигона М. Томашовой: у нее не было страха перед Креоном, она не боялась его, она приняла решение. И не с Креоном говорила она вовсе, а всех нас умоляла убить в себе страх и сделать выбор.

Очень недолго, но все же еще какое-то время после августа 1968 года чешский театр был единственным местом свободы в несвободной стране. Скоро и оно было выжжено.

С первого дня бархатной революции театры вновь оказываются местом истинной свободы. Спектаклей не играли нигде, но все театры открывались ровно в семь вечера. Сюда приходили, чтобы увидеть тех, кого нельзя было увидеть все эти годы. Чтобы услышать то, что давно уже не говорилось. Здесь снова учились смелости, надеждам и вере. А также благодарству, с которым все-таки может быть совершена революция.

Театр как будто возвращался к своим началам, как будто вновь осознавал свою магию и свои силы. И с немислимым вдохновением играл спектакль, какого еще не знала чешская сцена.

А начался он 18 ноября 1989 года в два часа дня в пражском Реалистическом театре на Смихове, совсем недалеко от того места, где стоит розовый танк Давида Черного.

Георгий КОВАЛЕНКО.